Книгоиздательство „НОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО".

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

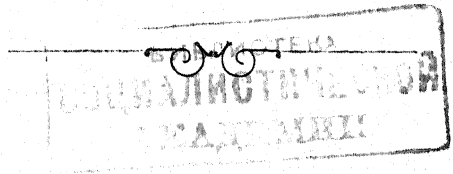
Подъ редакціей А. Рудина и С. Нечетнаго.

№. 19.

Н. ОГАНОВСКІЙ.

Крестьянская община и соціализмъ.

Цѣна 8 коп.



МОСКВА.
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.
1906.

I.
Что такое община.

За послѣднее время правительство наше частенько твердитъ: «частная собственность на землю неприкосновенна». «Что принадлежитъ помѣщику—принадлежитъ ему, что принадлежитъ крестьянину—принадлежитъ ему». У крестьянъ-общинниковъ нѣтъ частной собственности на землю. Оттого правительство, а вмѣстѣ съ нимъ партія богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ—, союзъ 17 октября—находятъ, что община вредна, что нужно издать такіе законы, чтобы уничтожить общину въ конецъ-чтобы общиной и не пахло на русской землѣ. Не одно правительство и октябристы (правопорядочники тоже) сердиты на общину. Противъ нея возстаютъ и нѣкоторыя другія партіи-напримѣръ, партія соціалъ-демократовъ. Наконецъ, кромѣ политическихъ партій, кое-гдѣ и сами крестьяне, на югѣ и въ промышленныхъ губерніяхъ, тоже говорятъ, что община вредна.

Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ, справа и слѣва, сверху и снизу, уже давно начался походъ противъ общины... Теперь настало такое время, когда весь народъ, изстрадавшись, изголодавшись при старыхъ порядкахъ, потребовалъ новыхъ порядковъ, при которыхъ ему вѣрится, что вся жизнь будетъ перестроена по новому, будетъ болѣе легкой, свободной, счастливой И многіе темные крестьяне думаютъ, что для этого нужно добиваться только одного—прибавки земли, такой прибавки, чтобы они не голодали. Но далеко не всѣ крестьяне

думали о томъ, что же съ этой прибавкой дѣлать? Прирѣзать ли ее къ своимъ старымъ надѣламъ, сдѣлать новую землю мірской, общинной, какъ старая надѣльная земля, или поступить съ ней какъ-нибудь по другому.

Теперь часто бываетъ, что надѣльная земля передѣляется въ общинѣ [1]), положимъ, по мужскимъ наличнымъ душамъ. Всякій хозяинъ получаетъ столько земли, сколько ему приходится по числу такихъ душъ въ семьѣ. Но вотъ стало мужикамъ совсѣмъ тѣсно; сосѣдній баринъ согласился продать землю черезъ Крестьянскій банкъ, но потребовалъ верхи. Платить верхи одинаково не всякій мужикъ можетъ: одинъ даетъ больше, другой меньше. Купивши участокъ, крестьяне начинаютъ дѣлить его межъ собою, но уже не поровну, по душамъ, а по паямъ, по дворамъ: какой хозяинъ далъ больше денегъ, тому и большій пай приходится. Выходитъ уже пользованіе землей не общинное (уравнительное), а подворное: на старой же надѣльной землѣ останется прежній общинный порядокъ.

Мы глубоко вѣримъ, что теперь крестьяне, наконецъ, добьются прибавки земли и мы на этомъ примѣрѣ видимъ, что съ этой прибавкой можно поступить по всякому можно ее отдать въ общинное, а можно и въ подворное, въ вѣчное владѣніе, или временное пользованіе. И тутъ очень много зависитъ отъ тѣхъ законовъ, по которымъ будетъ установлена прибавка земли. Если пройдутъ законы, за которые стоятъ теперешнее правительство, октябристы, да, пожалуй, отъ которыхъ не прочь и соціалъ демократы, тогда дополнительный надѣлъ (прибавка земли) будетъ разверстанъ по дворамъ на вѣчно, а вскорѣ и старыя надѣльныя земли перейдутъ въ подворное владѣніе. Если же дополнительный надѣлъ будетъ прирѣзываться къ надѣльнымъ землямъ цѣлыхъ обществъ, или если земля перейдетъ въ

1) Община не одно и то же, что сельское общество. Общиной называется крестьянское общество, имѣющее одинъ общій надѣльный участокъ. Иногда въ одномъ селѣ бываетъ нѣсколько общинъ, а иногда нѣсколько селъ въ одной общинѣ (т. е. у нихъ надѣлъ общій, недѣленый).

общее владѣніе всего народа, тогда община сохранится тамъ, гдѣ она есть. Законъ о переходѣ земли въ крестьянскія руки—дѣло очень важное. Напримѣръ, 100 лѣтъ тому назадъ у нѣмцевъ крестьяне освободились отъ крѣпостного права: и тогда правительство рѣшило уничтожить общину и нарѣзало выкупные надѣлы не обществамъ, а каждому отдѣльному двору. Такимъ закономъ община была подрѣзана подъ корень; и теперь въ Германіи почти нигдѣ нѣтъ крестьянъ-общинниковъ, а всѣ владѣютъ землей подворно.

Отсюда видно, что отъ новыхъ законовъ, по которымъ будетъ установленъ порядокъ надѣленія землей, сильно зависитъ, будетъ ли существовать общинное или подворное владѣніе.

Многіе крестьяне, можетъ быть, скажутъ: «а намъ все равно, какъ дадутъ намъ землю, на отдѣльные дворы или на цѣлыя общины, лишь бы только дали, а то безъ земли намъ смерть».

И такіе крестьяне будутъ говорить неправильно. Не надо забывать, что теперь у насъ идетъ революція, т.-е. такое время, когда вся жизнь народа перестраивается по новому. И какой порядокъ будетъ теперь установленъ, какой путь проложитъ теперь новый законъ, по такому пути и пойдетъ жизнь народа на десятки, а то и на сотни лѣтъ. Значитъ, если теперь общинниковъ-крестьянъ повернуть на подворное владѣніе землей, то съ общиной придется проститься навсегда, а отъ этого, какъ увидимъ дальше, зависитъ весь строй народной жизни; отъ этого зависитъ, будутъ ли всѣ крестьяне болѣе или менѣе одинаковы по своему достатку, или одни станутъ богатѣть, а другіе—нищать, одни заберутъ большія пространства земли, а другіе потеряютъ и старое.

Итакъ, разъ теперь строится жизнь народа по новому, на много лѣтъ впередъ, надо крѣпко раздумать надъ тѣмъ, какъ ее построить такъ, чтобы потомъ уже всему народу—всѣмъ крестьянамъ—много лѣтъ жилось лучше, а не хуже, чтобы потомъ не пришлось каяться. Иначе сказать, надо смотрѣть далеко впередъ, а не стоять на одной земельной нуждѣ.

«Какъ бы ни дали землю, лишь бы дали»—такая мысль для крестьянъ очень вредна. Вѣдь и въ 1861 году дали волю, дали и землю, а вышла эта земля и воля въ иныхъ статьяхъ хуже старой неволи.

Мало, значитъ, для крестьянъ требовать прибавки земли: надо имъ самимъ хорошенько обдумать, что съ этой прибавкой дѣлать, что выгоднѣе для народа: подворное владѣніе, или общинно-уравнительное пользованіе. А для этого надо посмотрѣть, что такое общинное пользованіе?

Этимъ мы сейчасъ и займемся...

Рядомъ съ Самарской губерніей лежитъ область войска Уральскаго. Въ этой области земли $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ, которые принадлежатъ только однимъ казакамъ уральцамъ. Казаковъ всего 131 тысяча душъ обоего пола—значитъ, на наличную душу, и мужскую и женскую, приходится въ округѣ 50 десятинъ. Земли очень много и пользоваться ею никто, кромѣ казаковъ, не имѣетъ права. У казаковъ земля нетѣленая: владѣютъ они всѣми $6^1/_2$ милліонами десятинъ сообща и каждый казакъ можетъ косить траву, сѣять хлѣбъ, селиться, пасти скотину на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ. Еще 60 лѣтъ тому назадъ каждый казакъ могъ косить, пахать, пускать на пастьбу скотину сколько захочетъ: есть у тебя средства—коси, распахивай тысячи десятинъ, держи десятки тысячъ головъ скота, гдѣ хочешь, никто тебѣ слова не скажетъ. 60 лѣтъ назадъ казаковъ было въ $2^1/_2$ раза меньше, чѣмъ теперь, всего 50 тысячъ душъ обоего пола. Понятно, имъ было такъ вольготно, что никакого запрета на землю не надо было класть. Такъ еще лѣтъ 100—150 назадъ было и въ Сибири, такъ лѣтъ 400 тому назадъ было во многихъ мѣстахъ русской земли. Въ тогдашней общинѣ-волости каждый могъ *захватывать* земли сколько сумѣетъ обработать.

Но даже у уральскихъ казаковъ къ нынѣшнему времени народу прибавилось въ $2^1/_2$ раза больше, стало маленько тѣснѣе и казаки должны были выдумать новыя правила насчетъ пользованія землей. Правила эти такія: ни одинъ простой ка-

зак[1]) не можетъ пахать больше 20 десятинъ хозяйственныхъ (33 казенныхъ) на дворъ. Что сверхъ этого—за каждую десятину плата 3 рубля. Сѣнокосъ у нихъ производится разомъ въ одно время, на всемъ протяженіи войска. Въ первый день могутъ косить только одни казаки, безъ работниковъ, на второй и на третій день можно даже нанимать и работниковъ, но не болѣе двухъ, а потомъ сколько угодно. Скотины можно держать безплатно лишь установленное число головъ: за большее число казаки платятъ съ головы особый налогъ (акцизъ). Наконецъ, ловить рыбу въ Уралѣ казаки выходятъ разомъ, въ одинъ день всѣмъ войскомъ.

Что же изъ этихъ правилъ видно? Да то, что какъ стало потѣснѣе, пришлось права на землю равнять: пришлось уже не допускать вольнаго захвата земель. Въ Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дремучаго лѣса-тайги, а есть удобная для пашни земля, стало еще тѣснѣе. И съ прежнихъ вольныхъ порядковъ сибирякамъ уже давно пришлось перейти на равненіе земли. Дѣлятся поровну (частью уже по душамъ) чаще всего сѣнокосы и пашня. Въ таежныхъ мѣстахъ лѣсъ еще вольный и въ лѣсахъ, какъ и въ степяхъ войска Уральскаго, богатые сибиряки еще ставятъ хутора-заимки. Тамъ ихъ въ землѣ никто не стѣсняетъ. Въ самой коренной Россіи давно уже стало утѣсненіе въ землѣ. Здѣсь за 200 слишкомъ лѣтъ (съ 1680 года) народъ увеличился въ пять разъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ общинный порядокъ, земля дѣлится еще ровнѣе: обыкновенно тутъ подворно крестьяне владѣютъ одной усадьбой. Пашня строго дѣлится по душамъ: въ однихъ мѣстахъ по работникамъ, въ другихъ—по наличнымъ мужскимъ душамъ, а въ третьихъ—и по мужскимъ и по женскимъ (по ѣдокамъ). Сѣнокосъ дѣлится также: но гдѣ его очень мало (дѣлить неудобно—дѣлянки малы), тамъ сѣно скашиваютъ всѣмъ міромъ и дѣлятъ копнами поровну. То же дѣлаютъ часто и съ лѣсомъ.

---

[1]) Казачій офицеръ можетъ пахать гораздо больше.

Изъ всего сказаннаго видно, что чѣмъ тѣснѣе русскому народу жилось, тѣмъ ровнѣе дѣлила община землю, чтобы каждый могъ по справедливости (по Божьему, говорятъ мужики) пользоваться своей долей. Вотъ въ этомъ то поравненіи земли и лежитъ вся суть общинныхъ распорядковъ. Значитъ, общиннымъ, или вѣрнѣе, общинно уравнительнымъ называется такой порядокъ пользованія землей, когда земля поровну разверстывается между членами одной общины. Въ Уральскомъ войскѣ такого равненія еще не было, потому что цари казакамъ даровали очень много земель: тамъ каждый могъ захватывать, сколько хотѣлъ земли и хотя у нихъ былъ общинный порядокъ, но не уравнительный, а захватный. Вся же сила теперешней крестьянской общины и состоитъ въ томъ, что она время отъ времени передѣляетъ землю поровну между ея членами—иначе уравниваетъ ее. Такъ община дѣлаетъ, какъ мы говорили, главнымъ образомъ, съ пахотной землей. Усадьбы же находятся у крестьянъ въ подворномъ владѣніи. Усадебную землю крестьяне равняютъ очень рѣдко: каждый можетъ продать свою усадьбу и купить у другого; усадьбы переходятъ по наслѣдству и дѣлятся при раздѣлѣ семей. Отъ того усадьбы по числу наличныхъ душъ не ровны: у однихъ крестьянъ семейство большое, а усадьба мала, у другихъ—наоборотъ: живетъ безъ дѣтей самъ другъ съ женой, а усадьба—хоть на тридцать душъ. Общинниковъ крестьянъ въ коренной Россіи (50 губерній), которые постоянно равняютъ землю по душамъ черезъ каждые нѣсколько лѣтъ—больше двухъ третей (70%) [1]). Остальная треть дѣлится на двѣ части: въ одной уже начались передѣлы, но еще не поровну, не по всѣмъ живымъ душамъ (частные передѣлы и переверстки). Въ другой—передѣловъ никакихъ не бываетъ. Тамъ крестьяне владѣютъ всей землей подворно и распоряжаются и съ усадьбой, и съ пашней, и съ сѣнокосомъ, какъ хочетъ каждый хозяинъ. Итакъ, если новые законы будутъ

[1]) См. Качоровскій „Народное Право“.

клониться къ тому, чтобы уничтожить общину, они перемѣнятъ порядокъ уравнительнаго пользованія въ каждыхъ 70 изъ ста десятинъ земли коренной Россіи. И это будетъ коренной переворотъ въ хозяйственной жизни крестьянъ. Потому то такъ и важно хорошенько обдумать этотъ вопросъ и рѣшить, выгодно ли громадному большинству крестьянъ коренной Россіи переходить на подворное владѣніе, или остаться при нынѣшнемъ общинно-уравнительномъ пользованіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому, чтобы яснѣе представить себѣ общинные порядки, посмотримъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ общинники дѣлятъ землю, иначе сказать, какіе способы выдумалъ самъ народъ, чтобы всѣмъ по возможности было дано земли „по справедливости, по Божьему".

II.

Какъ крестьяне-общинники передѣляютъ землю.

До манифеста 1861 года крестьяне въ Россіи не были хозяевами своей земли. Тогда они дѣлились на два главные разряда: [1]) государственныхъ (и удѣльныхъ) и на помѣщичьихъ. У государственныхъ крестьянъ, на которыхъ была наложена казенная подушная подать, правительство черезъ каждые 15—20 лѣтъ производило перепись наличныхъ душъ мужского пола. Переписи эти назывались р е в и з і я м и. Послѣ каждой ревизіи община передѣляла землю по числу душъ, з писанныхъ въ ревизію. Если земли не хватало противъ опредѣленнаго надѣла, то правительство иногда дѣлало прирѣзку изъ близъ лежащихъ свободныхъ казенныхъ пустошей; а если ихъ не было, то порой даже переселяло на казенный счетъ на новыя вольныя земли. Дѣлало это правительство не всегда и дѣлало такъ, что каждаго внесеннаго въ ревизію мужика оно облагало податью

[1]) О мелкихъ разрядахъ—четвертникахъ, колонистахъ, башкирѣ, резещей и т. д.—мы говорить не будемъ.

и за это каждая окладная (податная) душа получала право на надѣлъ отъ казны. У помѣщичьихъ крестьянъ надъ землей и надъ крѣпостными рабами орудовалъ баринъ. Обыкновенно и у помѣщичьихъ крестьянъ, какъ и у государственныхъ, были общинные порядки; но у нихъ земля дѣлилась не по мужскимъ душамъ, а по „вѣнцамъ". Вѣнцомъ называлась пара работниковъ—мужъ да жена. И когда заводилось новое хозяйство—новый вѣнецъ—баринъ или община нарѣзали имъ тягло—земельный надѣлъ. Для барина было самое важное, чтобы мужикъ хорошо работалъ на него. Съ каждаго тягла баринъ получалъ оброкъ или заставлялъ за него работать на барщинѣ. И вотъ, когда брачная пара была изъ плохихъ работниковъ—община или баринъ сваливали съ нихъ оброкъ, отнимали землю—тягло и давали такой семьѣ, которая могла работать за двоихъ, выручать оброкъ или барщину.

Значитъ, между общинами государственныхъ и барскихъ крестьянъ въ ту пору была большая разница. У государственныхъ – послѣ каждой ревизіи происходилъ общій передѣлъ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ, происходило поравненіе земли. У помѣщичьихъ же крестьянъ общихъ передѣловъ не было: у нихъ было то, что называютъ свалкой-навалкой, или частнымъ передѣломъ. Земля не равнялась по числу душъ въ семьѣ, а переходила по наслѣдству изъ рода въ родъ. Баринъ или община только передавали новоженамъ выморочные надѣлы, либо нарѣзали новые. Выходило, что въ одной семьѣ было много народу, а земли мало и наоборотъ. Общихъ передѣловъ, общихъ равненій не было. Но вотъ пришелъ манифестъ 1861 года. Передъ манифестомъ правительство много и долго толковало насчетъ общины: какъ съ ней быть, уничтожить ее, или нѣтъ. Рѣшили такъ: землю нарѣзать на цѣлую общину, какъ на казенныхъ, такъ и на барскихъ крестьянъ.

Если $^2/_3$ крестьянъ согласятся раздѣлиться навѣчно—пусть дѣлятся; если согласятся передѣлить землю на новыя души—тоже можно. Порѣшивши такъ, правительство въ 1858 году

сдѣлало послѣднюю ревизію, переписало всѣ наличныя мужскія души и потомъ, при выходѣ на волю, каждой общинѣ нарѣзался надѣлъ по числу этихъ ревизскихъ душъ.

И стали крестьяне съ тѣхъ поръ вправѣ распоряжаться землей, какъ хозяинъ: хочешь дѣли по дворамъ навѣчно, покупай, продавай, сдавай въ аренду свой надѣлъ (если $^2/_3$ домохозяевъ согласны): хочешь веди общинные распорядки—равняй землю по душамъ, чтобы никому не было обидно.

Однако, крестьяне тогда были совсѣмъ темны: не знали законовъ, не знали своихъ правъ и все ждали, когда будетъ новая ревизія, чтобы начать передѣлы.

Надѣялся еще народъ, что, какъ и прежде, имъ при новой ревизіи сдѣлаютъ прирѣзку земли на прибылыя души. Говорили: „царь далъ волю, дастъ и землю“. Однако, ждали-пождали—нѣтъ ревизіи, нѣтъ и прирѣзки, а наоборотъ и старые надѣлы, которые до воли были—урѣзали. Межъ тѣмъ земля стала пробиться по дворамъ совсѣмъ неравно: у одного семьи прибавилось—надѣлъ малъ, у другого семьи убавилось—а надѣлъ сталъ не по правилу великъ. Дѣло пошло неправильно, нехорошо по понятію крестьянъ. Ждали-ждали ревизіи, да прирѣзки и, наконецъ, порѣшили „самовольно“ подѣлить земли.

Передѣлы начались въ 70-хъ годахъ—лѣтъ тридцать тому назадъ. Сначала передѣляли по старому: государственные—какъ привыкли—по мужскимъ душамъ, а глядя на нихъ, понемногу, также стали дѣлить и помѣщичьи. Однако, большинство помѣщичьихъ уже привыкло къ подворному владѣнію по тягламъ и на общіе передѣлы, на общее равненіе не рѣшались, а производило свалки-навалки съ однихъ душъ на другія. Выходило такъ еще и потому, что на помѣщичьихъ крестьянъ были наложены большіе выкупные платежи. Земля часто давала меньше чистаго дохода, чѣмъ за нее приходилось платить выкупныхъ. Передъ казной за подати общество отвѣчало круговой порукой. Поэтому общество сваливало у недоимщиковъ земельный надѣлъ и наваливало его на крѣпкихъ мужиковъ, которые могли

совладать съ выкупными. Выходило, однимъ словомъ, тоже самое, какъ и при крѣпостномъ правѣ, только мужикъ теперь былъ въ крѣпости не у барина, а у казны.

Понятно, что за землей въ такихъ мѣстахъ не гнались: поравненія земли между всѣми членами общины никто не требовалъ и общихъ передѣловъ не происходило.

Но въ 80-хъ годахъ — лѣтъ 20 тому назадъ — выкупные платежи стали полегче, держать надѣльную землю стало выгоднѣе. Къ тому же арендныя цѣны на помѣщичьи земли сильно вздорожали. Многихъ бѣдняковъ, обдѣленныхъ мірской землей, стали надѣлы привлекать, и во многихъ помѣщичьихъ общинахъ большинство крестьянъ потребовало равненія земли, т.-е. общихъ передѣловъ. И въ 80-хъ годахъ начались повсюду въ Россіи общіе передѣлы земли; чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ легче были выкупные платежи, тѣмъ дороже становилась земля и тѣмъ чаще устраивали общіе передѣлы.

Въ Саратовской губерніи къ 1870 годамъ изъ 100 деревень передѣляло всего 33, къ 1880—39, къ 1890 - 54, а къ 1900 году - 60. Теперь, какъ мы видимъ, въ коренной Россіи общіе передѣлы происходятъ въ 70 деревняхъ изъ сотни. Мужики поняли, что общій передѣлъ — дѣло справедливое, важное для всѣхъ крестьянъ и что если землю не передѣлять, то половина мужиковъ заберетъ у другой половины надѣлы и станетъ богатой, а другая половина безъ земли и заработковъ на сторонѣ можетъ просто съ голоду умереть. А на счетъ прирѣзки земли правительство давно заявило: „больше не ждите ничего“. Покойный царь Александръ III сказалъ крестьянамъ: „не вѣрьте ложнымъ слухамъ о дополнительныхъ прирѣзкахъ и отрѣзкахъ“, а нынѣшній государь подтвердилъ слова своего родителя.

И вотъ, когда мужики сами взялись за умъ, перестали надѣяться на казну и начали устраивать свои „ревизіи“, да передѣлы—скоро многія общины поняли, что старыя развертки, которымъ ихъ научила казна и господа — неправильны. Начали они сами изыскивать свои способы, чтобъ земля

доставалась каждому по справедливости, по истинной нуждѣ. Много, очень много способовъ они надумали; много разъ въ одной и той же общинѣ они переходили отъ одного способа къ другому, пока не находили самаго подходящаго, но всѣхъ ихъ мы описывать не будемъ; мы разскажемъ только о трехъ главныхъ способахъ передѣлахъ земли.

Первый способъ общихъ передѣловъ — это передѣлы по работникамъ. Чаще всего такъ передѣляютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земли еще много, или гдѣ трудно ее обрабатывать. Больше всего на сѣверѣ и на востокѣ Россіи. На сѣверѣ земли много, (тоже и въ Сибири), но лежитъ она подъ лѣсомъ: почва плохая—камень да глина. Надо лѣсъ срубить, выкорчевать, камни вывезти, а на пашнѣ сжечь древесину, чтобы земля удобрилась золой. Значитъ, въ землю надо вложить много труда, рабочей силы. У кого больше работниковъ, тому легче сладить съ землей, тотъ больше получаетъ за труды и необработанной и уже готовой земли. Тамъ дѣлятъ только на мужиковъ отъ 18 до 60 лѣтъ, т.-е на работниковъ. Такой способъ передѣла называется трудовымъ. По трудовому способу передѣляютъ 14 деревень изъ сотни въ Россіи.

Второй способъ—старый, взятый отъ правительства — по мужскимъ наличнымъ душамъ. Способъ этотъ—не дурной, но онъ все-таки и не вполнѣ справедливый, также, какъ и по работникамъ. Тамъ, на сѣверѣ, гдѣ трудно обработать землю—это еще понятно; тамъ работникъ работаетъ не только для себя, а расчищаетъ землю изъ-подъ лѣса для цѣлаго общества. Ему и надлежитъ получать по трудамъ. А въ коренной Россіи—въ серединѣ, на югѣ и на ближнемъ востокѣ землю не надо очищать изъ-подъ лѣса: земля здѣсь хорошая, черноземная и тутъ она - кормилица мать, а не злая мачиха, какъ на сѣверѣ. Тутъ на ней почти одинаково могутъ работать и подростки и даже бабы, особенно, гдѣ пашутъ легкими желѣзными плугами. Разъ земля не злая мачиха, а кормилица—мать,—ее нужно подѣлить поровну межъ тѣми, кто ѣсть

просить, иначе—межъ всѣми голодными ртами въ общинѣ. И вотъ лѣтъ 10—15 тому назадъ нѣкоторыя общины начали дѣлить землю не по мужскимъ только душамъ, а по ѣдокамъ (на мужиковъ и бабъ). Такихъ общинъ теперь въ Россіи уже десятая часть. Бываютъ разные способы передѣловъ по ѣдокамъ. Въ однихъ мѣстахъ на мужика кладутъ полный надѣлъ, а на бабу — половину, въ другихъ даютъ всѣмъ поровну, въ третьихъ выдѣляютъ невѣстъ и не даютъ имъ надѣла (въ чужую семью отойдутъ) и наконецъ, въ четвертыхъ—надѣляютъ землею всѣхъ, но по возрастамъ: взрослымъ даютъ полный надѣлъ, подросткамъ половину, мальцамъ четверть, еще поменьше—10 ую часть и т. д.

Взрослый больше съѣстъ — ему и надѣлъ полный, подростокъ меньше — половинный. Вотъ этотъ послѣдній способъ передѣла и есть самый справедливый, до котораго дошелъ мужикъ. Здѣсь каждый получаетъ по потребности, по Туждѣ, столько, сколько ему надо, чтобъ прокормиться. Такой способъ передѣловъ по нуждѣ по всѣмъ наличнымъ душамъ называется потребительнымъ. Мы разсмотрѣли нѣсколько способовъ передѣловъ: на самомъ дѣлѣ мужики выдумали ихъ нѣсколько сотъ. Есть межъ ними и болѣе справедливые, и менѣе справедливые. Но во всѣхъ этихъ способахъ видно желанье мужиковъ дойти до того, чтобы земля досталась всѣмъ поровну, чтобы не было и обиженныхъ, и надѣленныхъ сверхъ нужды. Однимъ словомъ, видно, что уравнительное пользованіе землей крестьянамъ понятно: они знаютъ его, любятъ его и вѣрятъ, что это дѣло Божье, справедливое. Земля — Божій даръ и этотъ даръ долженъ достаться всѣмъ поровну. И теперь, когда настало время перестроить въ нашемъ царствѣ всякіе порядки, въ томъ числѣ и земельные по новому, по хорошему — крестьяне поймутъ, что, какъ нужно равнять землю въ каждой общинѣ, такъ нужно поровнять землю и по всей Руси. Но противъ этого возстаютъ, какъ мы говорили, и правительство, и правопорядцы, и соціалъ-демократы, и нѣкоторые крестьяне, въ осо-

бенности побогаче. Почему они возстаютъ — объ этомъ мы сейчасъ и разскажемъ.

III.

Враги общины.

Первый и самый сильный врагъ общины—это правительство съ октябристами и правопорядцами. Мы говорили, что правопорядцы и октябристы—это крупные помѣщики и купцы. Они до сихъ поръ, кромѣ нѣсколькихъ выдающихся членовъ Думы, держатъ руку правительства.

Мы не будемъ говорить отдѣльно объ октябристахъ: это—вмѣстѣ съ правительствомъ одна пріятельская компанія. Почему же эта компанія сердита на общину?..

Главное дѣло общины, какъ мы видѣли равненіе земли. Община не признаетъ частной собственности на землю и при каждомъ передѣлѣ равняетъ землю по наличнымъ душамъ. Правда, въ общинѣ есть и богатые, и бѣдные крестьяне. Бываетъ, что безлошадный мужикъ сдаетъ свой надѣлъ богатому сосѣду, потому что не въ силахъ его обработать; а коли къ новому передѣлу онъ раздобудетъ деньжатъ, купитъ лошаденку — то при новомъ поравненіи лишніе надѣлы отойдутъ отъ богатаго сосѣда и бѣднякъ опять получитъ земли, сколько ему полагается по числу душъ. При общинѣ не можетъ быть вѣчнаго скопленія земли въ однихъ рукахъ, потому что община не признаетъ частной собственности на землю, т.-е. права покупать и продавать землю навѣчно. Поэтому, при общинѣ богатый мужикъ помѣщикомъ стать не можетъ на надѣльной крестьянской землѣ.

Вотъ это то-не понутру правительству съ важными господами. Не понутру потому, что коли бы одни мужики помѣщиками стали, а другіе—безземельными батраками—межъ крестьянами пошла бы рознь, а этого и добивается правительство.

Оно только и дѣлало до сихъ поръ, что направляло одинъ народъ на другой, одно сословіе на другое. Однимъ словомъ, гдѣ можно, тамъ правительство старается, чтобы простой народъ, все равно—русскіе, грузины, евреи, татары, армяне—между собой поссорился, потому что тогда въ народѣ не будетъ силы противъ правительства идти. Вся вѣдь сила народа въ единеніи, въ дружбѣ, въ одномъ натискѣ, на общаго врага—правительство и богатыхъ господъ. А если перессорить народъ межъ собой — вся народная сила уйдетъ на раздоры и правительство съ безсильнымъ народомъ будетъ дѣлать, что хочетъ.

Главная сила народная — крестьянство. Крестьянъ, вѣдь, 100 милліоновъ! И вотъ правительство задумало раздѣлить эту силу, между прочимъ, уничтоживши общину. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сейчасъ стремятся всѣ крестьяне и на западѣ, и на востокѣ, и на сѣверѣ, и на югѣ? Къ землѣ! Теперь всѣ они нуждаются въ землѣ. Межъ тѣмъ правительству вовсе не охота обижать своихъ пріятелей — помѣщиковъ, отнимать у нихъ землю для крестьянъ. Такъ министры и заявили Государственной Думѣ: „отъ помѣщиковъ насильно отбирать землю мы не дадимъ, ни безплатно, ни за плату“. Пожалуйте, по „добровольному согласію, покупать черезъ крестьянскій банкъ рубликовъ 150—200 за десятину“.

Правительство думаетъ: пускай себѣ народъ шумитъ, пускай Дума кричитъ и ругается, а у насъ, вѣдь, сила большая: казаки, стражники, пушки, солдаты. Рано или поздно, а доймемъ мы народъ разстрѣлами, избіеніями, разореніями; рано или поздно смирится народъ. Безъ земли дѣваться ему некуда, придетъ онъ покупать землю черезъ банкъ, вѣдь и сейчасъ все-таки покупаютъ. Покупаютъ землю мужики позажиточнѣе: бѣдняки если и возьмутъ — съ платежами не сладятъ. Потомъ богачи станутъ кричать на сходахъ, требовать выдѣла своихъ надѣловъ. Для нихъ мы устроимъ свободный выходъ: глядишь, черезъ десятокъ лѣтъ вся надѣльная земля раздѣлится по дворамъ навѣчно и община уничтожится. Помаленьку богатѣи

подберутъ къ рукамъ и купленную и надѣльную землю. Бѣдняки вовсе безъ земли останутся, станутъ къ богатымъ крестьянамъ въ батраки наниматься. И сдѣлаются богатые крестьяне такими же помѣщиками господами и перейдутъ они совсѣмъ на сторону правительства. За примѣрами ходить недалеко: у сосѣдей нѣмцевъ крестьяне зажиточные—всѣ руку правительства и богатыхъ помѣщиковъ (по-тамошнему юнкеровъ) держатъ.

Тогда пойдутъ межъ крестьянами ссоры да раздоры—а это для правительства—одно утѣшеніе; одна, вѣдь, мечта у него—уничтожить главную силу народную—общую тягу крестьянъ къ землѣ.

Итакъ, правительство сердито на общину за то, что она дѣлаетъ всѣхъ мужиковъ равными, всѣхъ одинаково надѣляетъ землей сколько ея есть: мало у общины земли—почти всѣ мужики въ этой общинѣ малоземельны; много земли—и общинники многоземельные. А уничтожатъ общину—тогда въ каждомъ селѣ будетъ сидѣть нѣсколько богатыхъ многоземельныхъ мужиковъ-помѣщиковъ и сотни безземельныхъ бѣдняковъ. Этого и добивается правительство.

И дивное дѣло; на этомъ съ правительствомъ сходятся и соціалъ-демократы. И для соціалъ-демократовъ община—врагъ. Читатель, можетъ, слыхалъ, что такое соціалъ-демократы. Соціалъ-демократы больше орудуютъ въ городахъ, гдѣ они организуютъ (собираютъ въ союзы) рабочихъ, чтобы рабочіе могли отвоевать себѣ путемъ забастовокъ лучшій заработокъ у хозяевъ. За послѣднее время они стали работать кое-гдѣ и въ деревняхъ и тоже устраиваютъ забастовки у помѣщиковъ. Но, вѣдь, рабочіе съ теперешнимъ правительствомъ не въ ладу, какъ и крестьяне. Вѣдь рабочіе не враги крестьянамъ: вѣдь и у крестьянъ и у рабочихъ—у всего трудящагося народа—одинъ общій врагъ—нынѣшнее правительство, задавившее весь народъ, сдружившееся съ богачами-капиталистами, разорившее всю Россію на потѣху себѣ и богачамъ. Какъ же это такъ вышло, что друзья рабочихъ соціалъ-демократы

вмѣстѣ съ правительствомъ враждуютъ противъ общины?.. Въ этомъ виновато ихъ неправильное ученіе. Подробно объ этомъ уч-ніи мы здѣсь говорить не будемъ; скажемъ только, что соціалъ-демократы на общину сердиты, какъ и правительство, за то, что она равняетъ всѣхъ крестьянъ въ землѣ и, какъ они говорятъ по-ученому, задерживаетъ развитіе „классовой борьбы“. По ученію соціалъ-демократовъ, какъ ни стараться, а земля должна отойти отъ массъ крестьянъ и скопиться въ немногихъ рукахъ; и чѣмъ скорѣе большинство крестьянъ обезземелится, тѣмъ лучше; поэтому община дѣлу обезземеленія помочь не можетъ, а только его тормозитъ понапрасну. Вѣдь и въ общинѣ есть богатые и бѣдные, многоземельные и малоземельные и чѣмъ дальше, тѣмъ богатые будутъ богаче, а бѣдные—бѣднѣе...

Поэтому, лучше пусть раздѣленіе крестьянъ на богатыхъ и бѣдныхъ, многоземельныхъ и безземельныхъ пойдетъ скорѣе. Тогда безземельные крестьяне уйдутъ въ города, въ рабочіе на фабрики и заводы, либо станутъ батраками у богатыхъ.

Теперь у насъ въ Россіи рабочихъ не больно много; считая съ домашней прислугой, съ разными служащими—9 милліоновъ человѣкъ. А тогда число рабочихъ, по разсчету соціалъ-демократовъ, сильно бы прибавилось. На рабочихъ же у соціалъ демократовъ вся надежда. Рабочіе болѣе образованы, болѣе дружны, чѣмъ крестьяне, живутъ вмѣстѣ большими массами и ихъ гораздо легче организовать [1]). И вотъ съ этими рабочими соціалъ-демократы стали бы охотно орудовать: стали бы ихъ собирать въ союзы и научили бы какъ воевать съ помѣщиками и фабрикантами, чтобы добыть себѣ и народу лучшую долю. Такимъ образомъ, по мнѣнію соціалъ демократовъ, крестьяне должны сначала лишиться земли, лошаденки, домишки и только, превратившись въ „пролетарія“, въ рабочаго, они найдутъ свое и народное счастіе.

[1]) Другой доводъ соціалъ-демократовъ, что только рабочій способенъ къ воспринятію соціализма, что крестьянинъ мелкій собственникъ—мы разберемъ дальше.

По мнѣнію соціалъ-демократовъ такъ должно случиться рано или поздно. Не будемъ здѣсь спорить съ ними. Посмотримъ на это дѣло съ другой стороны; посмотримъ, найдутъ ли десятки милліоновъ безземельныхъ крестьянъ (если случится такой грѣхъ, что они останутся безъ земли) себѣ заработокъ и въ городѣ и въ деревнѣ.

Въ городахъ купцы строятъ фабрики и заводы не для того, чтобы кормить безземельныхъ крестьянъ, а для того, чтобы получать себѣ прибыль. Прибыль у нихъ будетъ тогда, когда товары, которые дѣлаются на фабрикахъ будутъ покупать либо въ чужихъ краяхъ, либо въ самой Россіи. Вотъ и поглядимъ сначала, покупаютъ ли наши товары въ чужихъ краяхъ? Оказывается, что нѣмцы, англичане, французы везутъ за-границу на тысячи милліоновъ своихъ товаровъ, а наши русскіе купцы—только на 20—30 милліоновъ, значитъ чуть ли не въ сотню разъ меньше. И не удивительно...

Всякій знаетъ, что наше правительство втянулось въ войну съ японцами изъ-за того, что оно забрало Манджурію, хотѣло забрать и Корею, да японцы не дали. А отчего хлопотало правительство? Оказывается, изъ-за нашихъ купцовъ: чтобы дать имъ возможность торговать съ Китаемъ. Провели дорогу по китайской землѣ; построили двѣ гавани: Портъ-Артуръ и Дальній, держали тамъ большой флотъ и армію, затратили тысячи милліоновъ народныхъ денегъ. Какъ бы, кажется, тутъ не торговать? А вышло, что по нашей желѣзной дорогѣ катили въ Китай товары не наши купцы, а англійскіе, нѣмецкіе, да тѣ же японскіе; въ Портъ-Артурѣ и Дальнемъ стояли не наши пароходы, а иностранные. Даже въ исконномъ русскомъ городѣ Владивостокѣ вся торговля была въ рукахъ японцевъ, да нѣмцевъ. А гдѣ же были русскіе купцы, о которыхъ такъ заботилась казна? Ихъ тамъ не было, потому что тамъ имъ нечего было дѣлать. Наши купцы не хотятъ и не думаютъ дѣлать такіе хорошіе, да дешевые товары, какъ заграничные. Что за-границей стоитъ полтинникъ — у насъ рубль, да еще товаръ будетъ гнилой. Понятно, кто же будетъ у насъ поку-

пать дорогой да гнилой товаръ, когда подъ бокомъ англичане, нѣмцы и японцы продаютъ вдвое лучше да дешевле. Поэтому, одни японцы на Дальнемъ Востокѣ торговали на 280 милліоновъ, а наши всего на одинъ милліонъ. Такъ и вездѣ: куда только мы не сунемъ носъ,—наши товары вытѣсняются заграничными.

Итакъ, въ чужихъ краяхъ, во всемъ свѣтѣ нашимъ товарамъ ходу нѣтъ. Межъ тѣмъ, почти половина иностранныхъ купцовъ живетъ заграничной торговлей и вокругъ нихъ кормятся десятки милліоновъ рабочихъ. Нашимъ же рабочимъ чужими краями кормиться не приходится [1]).

Но разъ заграница его не прокормитъ, можетъ быть промышленность да торговля въ Россіи дастъ ему заработокъ. И этого нѣтъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ у насъ въ промышленности и торговлѣ дѣло идетъ плохо. Еще до войны купцы жаловались на плохія дѣла: народъ, дескать, обнищалъ. Потомъ началась война, потомъ пошли волненія. Купцамъ пришлось туго: тысячи купцовъ прекратили торговлю, сотни фабрикъ и заводовъ закрылись, а рабочіе, либо безъ дѣла слоняются, либо въ деревню возвращаются. Теперь не изъ деревни въ городъ народъ бѣжитъ, а частенько наоборотъ. И въ деревнѣ мѣста нѣтъ, и въ городахъ 100 тысячъ безработныхъ. Гдѣ тутъ насчетъ покупокъ народу думать, когда зачастую во рту куска хлѣба не бываетъ по цѣлымъ днямъ. Значитъ, теперь, новыхъ фабрикъ купцы не будутъ строить, а, пожалуй, подумываютъ о томъ, какъ бы и старыя съ рукъ спустить.

Но, положимъ, что смутное время пройдетъ; положимъ, настанутъ новые порядки, положимъ, что народъ со временемъ станетъ богаче и не будетъ частыхъ неурожаевъ. Что же тогда? Появятся ли новыя фабрики? Можетъ быть, и появятся, да

---

[1]) Приведемъ такой примѣръ. У нѣмцевъ хлѣба сѣется мало для всего населенія: на пропитаніе не хватаетъ. И вотъ изъ Германіи къ намъ привозятъ заграничные товары, а отъ насъ къ нѣмцамъ идетъ 400 милліоновъ пудовъ хлѣба. Выходитъ, что русскій мужикъ кормитъ хлѣбомъ нѣмецкаго рабочаго.

за то многія изъ старыхъ закроются. Дѣло въ томъ, что купцамъ, какъ мы говорили, сильно помогала казна. Казна, неизвѣстно для чего, проводила дорогу въ Манджуріи, а рельсы везли съ русскихъ заводовъ, за 8 тысячъ верстъ, хотя отъ американцевъ рельсы брать было ближе, да и дешевле: у нихъ пудъ рельсъ стоитъ 40—50 коп., а у насъ 1 руб 10 коп. Тоже, напримѣръ, и броненосцы, которые потонули у Цусимы, строились больше на русскихъ заводахъ и вышли въ два раза дороже и хуже, чѣмъ на иностранныхъ [1]). И много разныхъ заказовъ на народныя деньги давала казна нашимъ купцамъ, хотя за-границей можно было сдѣлать и лучше и дешевле; и много чиновники съ купцами воровали.

При новыхъ порядкахъ этого не будетъ: и стало быть тѣ фабрики и заводы, которые нарочно поддерживала казна и отъ которыхъ народу былъ одинъ убытокъ — должны будутъ закрыться.

Итакъ, хотя бы народъ разбогатѣлъ—очень большого развитія нашей промышленности никакъ нельзя ожидать. И, во всякомъ случаѣ, десяткамъ милліоновъ безземельныхъ въ городахъ мѣста не будетъ.

Посмотримъ, найдутъ ли они мѣсто въ деревнѣ? Вѣдь, тамъ, при уничтоженіи общины, мужики побогаче заберутъ себѣ землю и станутъ, вродѣ помѣщиковъ, нанимать батраковъ.

Въ деревняхъ у новыхъ помѣщиковъ-кулаковъ заработки будутъ еще меньше. Если мужикъ-кулакъ будетъ хозяйничать, наемнымъ трудомъ — ему много рабочихъ не понадобится. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что у него имѣніе въ полторы тысячи десятинъ. На этихъ десятинахъ свободно-бы прокормилось 100 мужицкихъ семействъ, т.-е. душъ 600. А помѣщику

---

1) Броненосецъ „Бородино“ былъ построенъ у насъ и потонулъ отъ двухъ-трехъ японскихъ выстрѣловъ; броненосецъ „Цесаревичъ“, который намъ выстроили англичане, цѣлый день и ночь былъ подъ выстрѣлами всего японскаго флота и, прострѣленный насквозь, какъ рѣшето, все же таки не потонулъ, а добрался до безопаснаго мѣста, и сейчасъ цѣлъ.

для обработки, да еще при машинахъ, довольно постоянныхъ рабочихъ человѣкъ 20 — 30, а поденныхъ, если сдѣлать разсчетъ на годъ — тоже не болѣе того Иначе сказать, можно смѣло рѣшить, что на помѣщичьей землѣ въ полторы тысячи десятинъ прокормится рабочихъ не 600, а не болѣе 60 человѣкъ, т.-е. разъ въ десять меньше. Значитъ, если бѣдные крестьяне лишатся земли, если ее отберутъ богатые мужики—то у нихъ заработокъ найдетъ едва ли десятая часть. Куда же пойдутъ остальные девять десятыхъ: вѣдь, въ городахъ тоже имъ мѣста не будетъ. Останется имъ одно изъ двухъ: либо съ голоду помирать, либо на новыхъ помѣщиковъ идти войной, грабежомъ да поджогомъ землю себѣ добывать, какъ теперь у старыхъ господъ. Такъ не лучше ли не доводить до грѣха: не лучше ли теперь, взявши у помѣщиковъ землю, отдать ее малоземельнымъ крестьянамъ и отдать такъ, чтобы потомъ ужъ они не могли снова обезземелиться. А для этого надо не уничтожать общину, а держаться за нее обѣими руками, развивать общинное дѣло дальше и больше и главное— всюду уничтожить частную собственность на землю.

IV.

О чемъ говорятъ враги общины.

Враги общины, хотя и имѣютъ больше на примѣтѣ то, что мы говорили, но чаще на видъ выставляютъ другую причину для уничтоженія общины. Эту же причину выставляютъ и мужики побогаче и нѣкоторые ученые люди. Всѣ они говорятъ, будто бы община мѣшаетъ хорошему хозяйству; будто бы при общинѣ трудно лучше пахать землю удобрять ее, сѣять травы и разныя другія растенія. Это возраженіе противъ общины мы считаемъ самымъ важнымъ, и если оно оказалось бы вѣрнымъ, мы первые сами посовѣтовали бы мужикамъ поскорѣе развязаться съ общиной, да подѣлить землю по дворамъ навѣчно;

потому что безъ хорошаго хозяйства на землѣ мужикамъ смерть, какъ и безъ земли. Отдайте теперь мужикамъ всю землю— черезъ 20 лѣтъ народу прибавится, земли взять будетъ уже негдѣ и, если урожай не поднимется, мужики снова будутъ голодать. Мужики говорятъ: «урожай даетъ Богъ». «Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ».

Вонъ въ чужихъ краяхъ урожай по 100 да по 150 пудовъ съ десятины. И тамъ на такомъ же надѣлѣ вдвое больше народа прокормится. А земля не лучше нашей.

Такъ вотъ посмотримъ, чѣмъ, же, по мнѣнію враговъ общины, она мѣшаетъ хорошему хозяйству?

«Прежде всего», говорятъ они, тѣмъ, что земля у каждаго не въ вѣчномъ владѣніи, а въ временномъ пользованіи, «Зачѣмъ я буду стараться, удобрять свой надѣлъ, коли знаю, что онъ достанется другому?» Одинъ крестьянинъ пишетъ: «желаю перехода къ подворному владѣнію: потому—не успѣю удобрить загона, который не далъ настоящаго плода, какъ онъ переходитъ въ руки нерадивцамъ, пьяницамъ, которые продаютъ за дешевую цѣну и пропиваютъ».

Правильны ли эти разсужденія? Нѣтъ неправильны, потому что тогда у общинниковъ было бы хозяйство хуже чѣмъ у подворниковъ, а на дѣлѣ этого нѣтъ. На дѣлѣ у подворниковъ такое же хозяйство, какъ и общинниковъ, а въ иныхъ мѣстахъ у общинниковъ даже лучше. Такъ теперь извѣстно, что у общинниковъ пошло въ ходъ травосѣяніе тамъ, гдѣ земство имъ помогало и обучало ихъ. Травосѣяніе — дѣло въ высшей степени важное.

Теперь крестьяне, имѣя мало земли, почти всю обратили подъ пашню. Пашню дѣлятъ они на три поля: два подъ посѣвъ, одинъ—подъ паръ. На парахъ растетъ скудная сорная трава. Межъ тѣмъ у мужиковъ выгоновъ и луговъ совсѣмъ мало осталось, и скотина кормится зимой соломой, а лѣтомъ бродитъ по парамъ и жнивамъ, гдѣ кормъ совсѣмъ негодный. Отъ этого у крестьянъ скотины мало, да и той съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Безъ скотины—значитъ и безъ

удобренія; а безъ удобренія земля плохо родитъ, скоро тощаетъ. Значитъ, надо мѣнять трехпольное хозяйство и заводить такое, гдѣ бы и хлѣба было довольно и для скотины былъ бы кормъ. Такое хозяйство и даетъ посѣвъ травы. При травосѣяніи, вмѣсто трехъ, пашня разбивается на 4 либо шесть полей. Часть ихъ идетъ подъ посѣвъ, а часть—подъ высѣвъ кормовой травы: клевера, люцерны и т. д. Трава эта даетъ до 300 пудовъ урожаю, и послѣ двухъ укосовъ хлѣбъ на такой землѣ родится куда лучше. У насъ въ Московской губерніи мужики увидѣли уже всю выгоду отъ травосѣянія: въ тѣхъ селахъ, гдѣ его не было, тамъ мужики обѣдняли, скотины у нихъ поубавилось; тамъ же, гдѣ оно было заведено, мужики стали богаче, скотины стало больше въ нѣсколько разъ и урожаи ржи поднялись. Кромѣ того, стали сѣять и ленъ, потому что послѣ клевера ленъ хорошо родитъ.

На какихъ же земляхъ больше завелось травосѣяніе? Оказывается, на общинныхъ, надѣльныхъ, а не на купленныхъ и на арендованныхъ. Въ Тверской губерніи въ 1898 г. засѣвалось единолично 1396 дес., обществами — 8078 дес.; въ Вятской — единолично $3^1/_2$ тыс. дес., обществами — 32 тысячи. Также и въ Московской.

Итакъ, община способна вести хорошее хозяйство, и при общинѣ дѣло даже лучше спорится, чѣмъ при подворномъ владѣніи. Нужно только, какъ и всюду, общее согласіе, да прежде всего образованіе и помощь правительства и земства деньгами да обученіемъ.

Тамъ, гдѣ это было, какъ въ Вятской, Тверской и Московской губ., тамъ дѣло пошло споро и хорошо. Нечего пенять на общину, что у насъ хозяйство плохое: виновата не община, а наше правительство, которое держало народъ въ нищетѣ да темнотѣ, а обучало развѣ только шапку ломать передъ земскими.

Говорятъ еще враги общины, что отъ нея завелись черезполосицы и принудительный сѣвооборотъ, губительный для хорошаго хозяйства. Посмотримъ, вѣрно ли это.

Что такое черезполосица?..

У нашихъ крестьянъ земля дѣлится на три поля. Каждое поле дѣлится на участки (копы, жеребья). Въ одномъ кону земля плохая, въ другомъ получше, въ третьемъ еще лучше. Одинъ конъ ближе къ усадьбѣ, другой дальше; одинъ ровный, другой гористый. Раздѣливши поля на коны, крестьяне отдѣляютъ одинъ конъ отъ другого либо межой (столбомъ) либо дорогой. Когда бываетъ передѣлъ, въ каждомъ кону каждому крестьянину нарѣзаютъ полосу. Значитъ, каждый крестьянинъ получаетъ по числу коновъ (участковъ) въ трехъ поляхъ 20, 30, а то и 40 полосъ (дѣлянокъ). При пахотѣ и уборкѣ ему приходится ѣздить съ полосы на полосу, съ межи на межу, съ дороги на дорогу. Понятно, что времени на это уходитъ гораздо больше, чѣмъ еслибы земля каждаго лежала въ одномъ отрубномъ участкѣ. Другая бѣда — приходится проводить межи для проѣздовъ и для того, чтобы соху оборачивать. Если межъ не проводить — придется по чужимъ полосамъ съ телѣгой ѣздить. На межи, напримѣръ въ Ярославской губерніи, уходила одна десятина изъ сотни пахотныхъ. Но все это — бѣды малыя. Самая главная бѣда — принудительный сѣвооборотъ.

Вотъ, что это такое...

Такъ какъ полоски крестьянъ лежатъ рядомъ и зачастую онѣ очень узкія — не шире сажени — то, при отсутствіи межи, приходится всѣмъ мужикамъ волей-неволей въ одинаковое время въ одномъ кону и сѣять и убирать, а для того надо засѣвать одинаковый хлѣбъ. Кто бы захотѣлъ, напримѣръ, посадить на своей полосѣ картошку, либо ленъ, либо подсолнухъ — нельзя, потому что на сосѣднихъ полосахъ ленъ посѣянъ: овесъ раньше поспѣетъ — его убрать надо, а безъ межи придется ѣздить черезъ полосу, гдѣ посѣяна картошка. Значитъ, волей-неволей, всѣ должны сѣять овесъ. Вотъ это и называется принудительнымъ сѣвооборотомъ. Однако если межа есть, проѣхать по ней можно, да если полосы широкія — такъ можно каждому на своей полосѣ сѣять, что угодно. И мы видимъ, что теперь часто одни крестьяне сѣютъ подсолнухъ, а другіе рядомъ овесъ и не мѣшаютъ другъ другу.

Другая причина принудительнаго сѣвооборота, что крестьянамъ приходится гонять скотину по парамъ и жнивамъ. Понятно, что для этого всѣмъ сосѣдямъ по полоскамъ надо сѣять одинаковый хлѣбъ, иначе скотина затопчетъ неубранныя полосы.

Черезполосица и принудительный сѣвооборотъ — правда вещи неудобныя. Но, оказывается, что община то въ нихъ нисколько не виновата. Ужъ на что умные нѣмецкіе и французскіе крестьяне: земли у нихъ раздѣлены подворно сотню лѣтъ, а черезполосица еще больше, чѣмъ у нашихъ общинниковъ.

У французовъ, напримѣръ, на каждый дворъ приходится по 26 полосъ. Также и у нашихъ поляковъ и хохловъ. Словомъ, гдѣ есть подворное владѣніе — есть и черезполосица. И здѣсь она еще хуже, чѣмъ въ общинѣ, потому что происходитъ случайно, при раздѣлѣ семей, при дѣлежѣ по наслѣдству, при куплѣ—продажѣ. У одного земли больше, а у другого меньше, у одного больше дѣтей, у другого меньше—отъ того и полосы у подворниковъ выходятъ неровныя, кривыя, изломанныя и такъ запутаются, что отъ одной полосы къ другой ни проходу, ни проѣзду нѣтъ. И волей-неволей нѣмецкому правительству приходилось браться за новый передѣлъ, новую разверстку земли, чтобы эту путаницу распутать.

Въ общинѣ черезполосица, хоть и есть, но не столь неудобная для хозяйства: здѣсь полосы ровныя и всѣ упираются либо въ межу, либо въ дорогу. А насчетъ принудительнаго сѣвооборота, надо такъ сказать: при отдѣльномъ выгонѣ либо при травосѣяніи, скотину не придется гонять по парамъ и жнивамъ,—тогда каждый засѣвай, чѣмъ хочешь свою полосу — скотина тебѣ не помѣха. И опять община тутъ не при чемъ.

Отъ черезполосицы не избавитъ переходъ отъ общины къ подворному хозяйству. Черезполосицы не будетъ тогда, когда каждому двору отведутъ отдѣльный отрубной участокъ или всѣ крестьяне заведутъ общее.

Отвести каждому отдѣльному хозяину особый участокъ—это

значитъ заставить его перейти изъ деревни на хуторъ, обвести участокъ изгородью.

Но всякій скажетъ, что для всѣхъ крестьянъ это дѣло невозможное. Невозможное прежде всего потому, что для крестьянъ нужна вода и почти всѣ деревни стоятъ возлѣ рѣки, либо озера. Гдѣ воды много, какъ на сѣверѣ, тамъ крестьяне и селятся маленькими поселками въ 10—15 дворовъ. А на югѣ— въ Саратовской, Воронежской и др. губерніяхъ воды мало — и села большія.

Положимъ, даже, что и вода найдется. Какъ же быть со школой, съ больницей, со всякимъ мірскимъ, общественнымъ дѣломъ.... «На міру и смерть красна», и разселиться по хуторамъ не согласились бы ни общинники, ни подворники. Да и то сказать: хуторъ стоитъ заводить — когда у мужика есть 40—50 десятинъ, а на 5—6 даже 10 десятинахъ, какъ ни вертись, хутора не выстроишь: тутъ, вѣдь, придется отводить каждому отдѣльный выгонъ для скотины, и пашню и лугъ и огородъ и усадьбу. На маломъ участкѣ это — дѣло невозможное. А коли невозможное, такъ и говорить объ этомъ нечего: мысль о хуторахъ надо бросить и мириться съ черезполосицей, которая, какъ мы видѣли, при общинѣ выходитъ удобнѣе, чѣмъ при подворномъ хозяйствѣ.

V.

Чѣмъ дорога община.

Мы разобрали всѣ главные нападки на общину. Мы видѣли, что всѣ эти нападки несправедливы. Община не виновата въ черезполосицѣ и принудительномъ сѣвооборотѣ. Если научить крестьянъ сѣять кормовую траву или добиться такой прирѣзки земли, чтобы можно было отводить особый выгонъ — тогда принудительный сѣвооборотъ будетъ не нуженъ...

Мы увидѣли, что община вообще хорошему хозяйству не мѣшаетъ, что хорошаго хозяйства у крестьянъ нѣтъ не по-

тому, что виновата община, а потому что въ этомъ виновато правительство которое теперь свою вину сваливаетъ на общину.

Мы увидѣли, наконецъ, что и правительство и нѣкоторыя партіи стремятся уничтожить общину, чтобы установить вездѣ частную собственность на землю, чтобы раздѣлить крестьянъ, чтобы дать возможность разбогатѣть однимъ, а другихъ сдѣлать безземельными батраками, рабочими. Этимъ десяткамъ милліоновъ батраковъ и рабочихъ не найти заработка ни въ городахъ, ни въ деревняхъ и придется имъ либо помирать съ голоду, либо снова пытаться, бороться за землю и волю.

Изъ того мы заключаемъ, что община нашему крестьянству не вредъ приноситъ, а благо. Наша страна—мужицкая, земледѣльческая. Нельзя разсчитывать на то, чтобы Россія стала, какъ другія страны—страной фабричной, да торговой. Россія мужикомъ всегда держалась и будетъ держаться; а губить мужика, превращать его въ безземельнаго батрака—значитъ губить Россію.

Община — благо для крестьянъ. Возьмемъ такой примѣръ: у мужика послѣ передѣла родилось нѣсколько дѣтей. Если бы была частная собственность на землю, если бы община не передѣляла землю на новыя души—куда бы подѣвались дѣти, когда выросли? Вѣдь ни въ городахъ, ни въ селахъ много заработковъ бы не было. И положеніе мужика было бы безвыходное; дѣтямъ хоть помирать, а дѣваться некуда. А теперь мужикъ - общинникъ знаетъ хорошо: будетъ новый передѣлъ—нарѣжутъ ему наново земли на прибылыя души—худо ли хорошо, а все-таки на пропитаніе кое-какъ хватитъ. Этимъ-то и дорога община: она даетъ каждому право на жизнь, на трудъ на землѣ. Община служитъ вродѣ страховки для крестьянъ. Нынче земство страхуетъ у мужиковъ избы отъ пожара. Сгоритъ домъ — мужикъ страховку получитъ. А община страхуетъ всѣхъ новорожденныхъ отъ голода. Община всѣмъ даетъ землю, а земля, извѣстно, кормилица. Значитъ, община всѣмъ даетъ средство кормиться, и этимъ-то она и важна.

Вотъ какъ говорятъ крестьяне про общину. „Выгоды общиннаго владѣнія въ томъ, что землю можно разверстывать всегда по усмотрѣнію общества и въ силу необходимости. При подворномъ же владѣніи землей крестьянамъ будетъ неудобно, потому что въ одномъ семьяхъ народу прибудетъ, въ другихъ — убудетъ. Въ первыхъ семьяхъ земли будетъ недостатокъ, а въ другихъ излишекъ, и поровнять землю будетъ нельзя".

„Немыслимо наслѣдственное владѣніе землею надѣльною, ибо поколѣнія людей освѣжаются, соразмѣрно этому и земля должна раздѣляться. Семейное положеніе, т.-е. число душъ въ семьѣ, можетъ прибыть и убыть, а равно и души земли слѣдуетъ убавлять и прибавлять".

„Подворное владѣніе неудобно потому, что одни семейства разрождаются, а другія идутъ на убыль. Тогда только можно бы сдѣлать это, кабы мы не умерали, а другіе бы не нарождались".

„Перейти къ подворному владѣнію невозможно. Въ мірѣ, какъ въ морѣ, люди умираютъ и нарождаются"... И такъ, первое и важное дѣло общины — въ томъ, что она даетъ каждому право на землю, т.-е на трудъ, на жизнь. Община страхуетъ мужика отъ безземелья, отъ голода, отъ безработицы.

Второе важное дѣло — это то, что она даетъ равное право на жизнь каждому, потому что она уравниваетъ пользованіе землей.

„Такъ какъ умершіе уже не имѣютъ нужды въ пропитаніи (пишетъ одинъ крестьянинъ), то необходимо нужно продовольствовать живыя существа, которыя имѣютъ нужду.. Самый лучшій порядокъ — заботиться о людяхъ, какъ о всѣхъ одинаково равныхъ и имѣющихъ нужду въ жизненныхъ припасахъ, а не должно лишать равенства неимущихъ" [1]).

---

1) Всѣ мнѣнія крестьянъ взяты изъ книги Качоровскаго „Народное Право".

„Никогда мы подворнаго владѣнія не желали, никогда и не перейдемъ. Невозможнаго сдѣлать нельзя, на общемъ владѣніи никогда нѣтъ нужды. У меня 5 душъ; прибудетъ одна — дадутъ шестую, а если убудетъ — чужого не нужно. При передѣлахъ земля никакъ не можетъ скопляться въ однѣхъ рукахъ".

„Объ отмѣнѣ передѣловъ не было и рѣчи; подѣлить же землю въ потомственное вѣчное владѣніе — только на руку богачамъ". „Не желательно перейти къ подворному владѣнію, потому что при немъ, у кого много земли—тѣ царствуютъ, а у кого мало – бѣдствуютъ". „Неудобнымъ находимъ подворное владѣніе въ томъ, что земля перейдетъ въ богатыя руки; потому бѣдные будутъ въ порабощеніи вѣчно".

Мы видали хорошо, что такое частная собственность на землю. Въ Воронежской губерніи, Павловскаго уѣзда, есть имѣніе графа Воронцова - Шувалова въ 27 тысячъ десятинъ. Вокругъ него — 4 или 5 волостей давственныхъ крестьянъ, у которыхъ по $^1/_4$ десятины надѣла на наличную душу. У хозяина имѣнія, графа, нѣтъ дѣтей: онъ самъ не женатый и сумасшедшій. А имѣніе —майоратное, т.-е. безъ воли Государя его нельзя продать, и вотъ всѣмъ имѣніемъ хозяйничаетъ управляющій; онъ не хочетъ сдавать въ аренду мужикамъ, и тѣмъ надо съ голоду помирать. Графъ самъ, стало-быть, имѣніемъ не пользуется, а какъ собака на сѣнѣ,—лежитъ на землѣ, всю округу съ голоду моритъ. Вотъ что такое настоящая частная собственность на землю.

Не дай Богъ увидѣть, чтобы одни крестьяне были въ положеніи графа, а другіе—сосѣднихъ крестьянъ. А при подворномъ владѣніе это и будетъ...

VI.

Община и соціализмъ.

Въ общинѣ намъ особенно дороги двѣ особенности: 1) что у общинниковъ нѣтъ частной собственности на землю и всѣ

имѣютъ на нее право; 2) что право это равное для всѣхъ.

дороги намъ эти особенности потому, что въ нихъ мы видимъ первый шагъ на дорогѣ къ соціализму.

Что такое соціализмъ?..

Долго начальство и попы твердили темнымъ крестьянамъ и рабочимъ, что соціализмъ—это ученіе зловредное, пагубное, что соціалисты—въ родѣ разбойниковъ, которые въ Бога не вѣрятъ, въ церковь не ходятъ, царя и власти не признаютъ, а потому надо ихъ остерегаться, а встрѣтишься — бей, либо тащи по начальству, какъ воровъ. И сейчасъ еще иногда темный мужикъ боится самаго слова „сицилистъ“ и порой кричитъ: „Бей его, крамольника, безбожника“. А того этотъ мужикъ не знаетъ, что онъ самъ первый „сицилистъ“ и есть, потому что онъ — общинникъ. Небось, самъ говоритъ: „Передѣлъ земли на наличныя души по-равному, по-справедливому— дѣло Божье“; говоритъ такъ, а самъ соціалистовъ безбожниками называетъ, хотя они тоже за это Божье дѣло стоятъ.

Итакъ, что же такое соціализмъ? Соціализмомъ называется такое ученіе, которое проповѣдуетъ, чтобы всѣмъ людямъ было дано равное право на хорошую жизнь, на счастливое существованіе. Соціалисты добиваются, чтобы всѣ люди были равны и по правамъ и приблизительно по достаткамъ; чтобы не было ни очень богатыхъ, ни очень бѣдныхъ людей. И соціалисты, вопреки нашимъ попамъ, тутъ слѣдуютъ первымъ христіанамъ. У первыхъ христіанъ всѣ были равны: у нихъ все было общее; и обѣдали, и жили они вмѣстѣ. И первые соціалисты — коммунисты также добивались, чтобы люди жили дружно и чтобы у нихъ все было общее.

Но нынче ужъ сдѣлать этого нельзя: и у первыхъ христіанъ такой порядокъ держался, пока ихъ было немного. Когда же стало ихъ больше — они разбрелись врозь. Тоже увидали и позднѣйшіе соціалисты, потому что тѣ общества, которыя устраивались вначалѣ (гдѣ всѣ жили вмѣстѣ), скоро расползлись, какъ раки изъ корзины. Теперь соціалисты и не

думаютъ добиваться того, чтобы все было общее; теперь ихъ ученіе говоритъ слѣдующее. Для того, чтобы жить, человѣкъ нуждается прежде всего въ пищѣ, въ одеждѣ, въ жилищѣ. Пищу человѣкъ съѣдаетъ цѣликомъ — отъ нея ничего не остается; платье, обувь онъ носитъ на себѣ; съ себя снять, другому отдать, а самому голымъ остаться — нельзя, климатъ не позволяетъ. Тоже и жилище: изба, квартира, комната, уголъ—нужны ему самому и его семейству.

Всѣ вещи, которыя служатъ для пищи, для одежды и жилища, называются предметами потребленія и предметами пользованія. Предметы потребленія — это тѣ, которые нужны для одежды и пищи, которые человѣкъ истребляетъ (потребляетъ) для себя, потому что его тѣло этого требуетъ.

Предметы пользованія—это такія вещи, которыя человѣкъ не истребляетъ, но которыми пользуется для своихъ нуждъ, напримѣръ, домъ.

Предметы потребленія, по ученію соціалистовъ, остаются въ частной собственности. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбъ мой; коли я его заработалъ, я имѣю на него свое право.

Предметы пользованія: жилище, мебель, книги, украшенія, могутъ быть въ частной собственности, а могутъ быть и въ общей. И сейчасъ, напримѣръ, есть уже много казенныхъ и общественныхъ домовъ: казармы, рабочіе дома, школы, гимназіи, церкви и т. д. Но соціалисты находятъ, что надо бы больше домовъ сдѣлать общественными. Теперь, скажемъ, пріѣдетъ рабочій человѣкъ въ городъ. Прежде всего нужно ему квартиру отыскать. Идетъ онъ къ хозяину дома. Хозяинъ сдаетъ ему грязный уголъ и беретъ три-четыре рубля. Такихъ угловъ въ одной комнатѣ бываетъ нѣсколько и въ каждомъ углу бываетъ иногда двѣ-три души. Живутъ въ тѣснотѣ, духотѣ, грязи. И сдираетъ хозяинъ со всѣхъ за комнату рублей 20—30, а красная цѣна ей 5—6 цѣлковыхъ. Отъ того, что въ городѣ квартиры дорогія, рабочій человѣкъ не можетъ взять съ собой жену и семью. Они остаются въ деревнѣ, а мужъ въ городѣ. Никто

за нимъ не присмотритъ, ходитъ онъ оборванный, ѣстъ всякую дрянь въ харчевнѣ, да и самъ начинаетъ безъ семьи баловаться, пить водку, гулять съ бабами. Семья идетъ въ разворъ, и рабочій человѣкъ лишается семейнаго счастья. А все оттого, что домъ, гдѣ живетъ рабочій, составляетъ частную собственность хозяина, да и самъ рабочій въ кабалѣ у хозяина, а хозяинъ деретъ съ него сколько захочетъ. Рабочій счастливой жизни лишается, а хозяинъ въ его горѣ себѣ счастье находитъ. Чтобы этого не было, говорятъ соціалисты, надобно, чтобъ большіе дома, гдѣ живутъ рабочіе и всякій трудящійся людъ, не составляли частной собственности, а были бы казенными, либо городскими или земскими, однимъ словомъ—общественными. Казна, городъ, земство не должны гнаться за доходами, а будутъ брать за квартиру сколько себѣ стоитъ. И бѣдный людъ въ городахъ получитъ возможность жить дешево и по человѣчески со своими семействами. Мебель же, книги, часы и прочее должны, какъ и сейчасъ, оставаться въ частной собственности.

Третій рядъ предметовъ, на которые сейчасъ есть частная собственность, самый главный. Называются они средствами производства. Средства производства сами по себѣ человѣку ненужны, но посредствомъ ихъ онъ добываетъ себѣ и предметы потребленія и предметы пользованія.

Первое, самое важное, средство производства—это земля. Безъ земли нельзя добыть главнаго предмета потребленія—хлѣба. Чтобы добыть хлѣбъ мало имѣть одну землю: надо ее прежде вспахать, заборонить, засѣять, убрать хлѣбъ, обмолотить, вывѣять, свезти на мельницу, получить муку и изъ муки спечь хлѣбъ. Стало быть, кромѣ земли, надо еще имѣть другія средства производства: соху или плугъ, лошадь, борону, косу, либо жнейку-машину и т. д. Эти средства называются орудіями производства. Кромѣ земли и орудій, средствами производства служитъ все, что находится на землѣ: лѣса, рѣки, воды, и подъ землей: желѣзная, мѣдная, свинцовая руда, нефть, золото, серебро и т. д.

Второй рядъ средствъ производства служитъ для обработки предметовъ потребленія и пользованія: фабрики, заводы; а также для ихъ сбыта: магазины, лавки. На фабрикахъ дѣлаются, напримѣръ, сукна для одежды, а въ лавкахъ они сбываются покупателямъ...

Третій рядъ средствъ производства—средства сообщенія: желѣзныя дороги, пароходы и т. д.

Въ настоящее время большинство главныхъ средствъ производства: земля, фабрики, заводы находится въ частной собственности у богачей, помѣщиковъ и фабрикантовъ. Другія средства производства принадлежатъ правительству. Но мы знаемъ хорошо, что такое у насъ нынѣшнее правительство. Оно все состоитъ изъ чиновниковъ, изъ которыхъ многіе тоже богатые помѣщики и фабриканты, а поэтому вмѣстѣ съ ними оно составляетъ одну пріятельскую кампанію, вмѣстѣ съ ними душитъ и грабитъ простой народъ.

Душатъ и грабятъ они простой народъ, захвативши въ свои руки средства производства. Безъ средствъ производства, безъ земли, фабрикъ, заводовъ, нельзя добыть предметовъ потребленія и пользованія: пищи, одежды, жилища; а потому, забравши себѣ средства производства, они заставляютъ крестьянъ и рабочихъ работать на нихъ, и за трудъ отдаютъ лишь малую часть того, что вырабатываютъ крестьяне и рабочіе, а большую часть берутъ себѣ.

Возьмемъ такой примѣръ.

Богатый помѣщикъ обрабатываетъ свою землю посредствомъ наемныхъ рабочихъ. Земля у помѣщиковъ хорошая: даетъ пудовъ 60 съ десятины. Продаетъ помѣщикъ хлѣбъ, скажемъ, по 6 гривенъ за пудъ. Значитъ съ десятины онъ выручитъ 36 рублей. Сѣмена стоятъ ему рублей 5—6. Рабочимъ за работу съ десятины онъ заплатитъ рублей 10, не больше. Прочихъ расходовъ тоже наберется на десятину рублей 5. Стало быть всѣхъ расходовъ рублей 20, а 16 рублей идутъ ему въ чистый барышъ. Не обрабатываетъ помѣщикъ землю, сдаетъ ее въ аренду мужику, опять беретъ рублей 15—20 и даже 25

за десятину. А вѣдь самъ онъ палецъ о палецъ не ударитъ. За что же онъ загребаетъ такія денежки? За то, что земля— его частная собственность. Тоже и фабрикантъ: за товаръ получаетъ раза въ два дороже, чѣмъ товаръ ему самому обходится. Тотъ же, кто работаетъ на фабрикѣ, получаетъ самую малую часть. Это все, говорятъ соціалисты, несправедливо. Справедливо, чтобы всякій трудящійся получалъ полный доходъ, т.-е. столько, сколько даетъ земля или фабрика. По ученому это называется право на полный продуктъ труда. Для того, чтобы всякій трудящійся получилъ это право, чтобы всякій получалъ сколько выработалъ, надо уничтожить частную собственность на всѣ средства производства. Надо сдѣлать такъ, чтобы всѣ средства производства— земля, фабрики, заводы, желѣзныя дороги и т. д. принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а всему народу, либо отдѣльнымъ областямъ и обществамъ. Въ такомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ частной собственности и правительство, земство и т. д. не будутъ такія, какъ теперь, изъ разныхъ чиновниковъ да богачей, а выбранныя всѣмъ народомъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ. За каждый свой поступокъ такое правительство должно будетъ отвѣчать передъ народомъ по правильному суду.

Въ соціалистическомъ государствѣ надъ всей землей будетъ одинъ хозяинъ—народъ. Никто не посмѣетъ ни покупать, ни продавать землю. Обрабатывать землю будутъ всѣ сообща, артелями, и орудія производства, плуги, молотилки и т. д., тоже будутъ общія, либо казенныя. Фабрики и заводы, торговыя заведенія, пароходы, желѣзныя дороги станутъ всенародной, либо земской собственностью; всѣ служащіе и рабочіе станутъ получать жалованье, какъ и теперь, съ той лишь разницей, что теперь они получаютъ половину, а то и меньше дохода, другая половина идетъ помѣщику или фабриканту. А тогда рабочаго грабить не будутъ; рабочій получитъ весь доходъ, какой онъ заработалъ.

Вмѣсто нынѣшнихъ налоговъ, которые собираются больше

съ бѣдняковъ, чѣмъ съ богатыхъ, будетъ установленъ одинъ налогъ; съ бѣдныхъ совсѣмъ не станутъ брать податей и налоговъ, а чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ больше съ него возьмутъ.

Всѣ продукты—предметы пользованія и потребленія—станутъ гораздо дешевле, потому что вмѣсто купца-лавочника ихъ будутъ продавать казна и земство по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ себѣ стоитъ.

Обученіе будетъ всеобщее и безплатное. Въ соціалистическомъ государствѣ безработныхъ и безземельныхъ не будетъ: каждому народное правительство должно дать работу, либо землю.

Въ соціалистическомъ государствѣ полнаго равенства по достаткамъ не будетъ, но не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и каждый получитъ только то, что самъ заработалъ. Теперь же десятки милліоновъ получаютъ за свой трудъ половину, а другую половину забираютъ себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ богачей, которые ничего не дѣлаютъ, а живутъ въ хоромахъ, разъѣзжаютъ по заграницамъ, пропиваютъ и проѣдаютъ заработанныя народомъ деньги.

Вотъ какихъ порядковъ соціалисты совѣтуютъ добиваться, чтобы всему трудящемуся люду было хорошо: нужно добиваться отмѣны частной собственности на средства производства; нужно добиваться, чтобы они стали собственностью всего народа, а для этого надо, чтобы государствомъ правили не богатые чиновники, помѣщики и фабриканты, а весь народъ въ лицѣ правильно избранныхъ представителей. Надо, чтобы народъ былъ полнымъ хозяиномъ и земли и воли. Только тогда, когда власть перейдетъ въ руки народа—и можно разсчитывать, что средства производства будутъ въ его рукахъ. Вотъ почему всѣ люди, любящіе народъ, сейчасъ твердятъ: «Безъ воли народной нѣтъ земли, безъ земли нѣтъ воли». Эти порядки, когда всѣ средства производства станутъ народными, настанутъ не скоро и не сразу. Теперь соціалисты (соціалъ-революціонеры) совѣтуютъ добиваться перехода всей земли въ руки народа. Что же касается до фабрикъ и заводовъ, то это дѣло очень сложное; добыть ихъ народу придется долгой борьбой.

И насчетъ земли сразу соціалистическихъ порядковъ не установить. Тутъ сначала надо крѣпко взяться за общину, и обративъ всю землю во всенародное достояніе, — можно будетъ потомъ перейти къ общественной обработкѣ ея и переходу всѣхъ средствъ производства въ руки народа, т.-е къ соціализму.

VII.

Переходъ отъ общины къ соціализму.

Теперь въ Россіи у насъ двѣ главныхъ соціалистическихъ партіи: соціалъ-демократы и соціалъ-революціонеры. Обѣ партіи вѣрятъ и знаютъ, что рано или поздно, но власть и средства производства должны перейти къ народу, и тогда настанетъ царство соціализма.

Обѣ партіи стараются, чтобы народъ скорѣе завоевалъ это царство. Но дороги въ это царство для крестьянъ—по мнѣнію обѣихъ партій—разныя.

Соціалъ-демократы, какъ мы видѣли, думаютъ, что община будетъ уничтожена, что одни крестьяне—большинство—обезземелятся, превратятся въ рабочихъ и батраковъ, другіе станутъ богачами-помѣщиками. Земля соберется въ немногихъ рукахъ; тоже будетъ съ фабриками, торговлей — вообще со всѣми средствами производства. Пока это будетъ итти, соціалъ-демократы соединятъ рабочихъ, научатъ ихъ, какъ надо бороться съ капиталистами; потомъ по немногу рабочіе, потому что ихъ будутъ милліоны, заберутъ въ руки власть въ государствѣ, а затѣмъ отнимутъ и земли, и фабрики отъ богачей и сдѣлаютъ ихъ всенароднымъ достояніемъ. Соціалъ-революціонеры видятъ и указываютъ къ соціализму другую дорогу. Они видятъ, что община не уничтожается, что переходитъ и теперь понемногу не къ богачамъ-капиталистамъ, а къ крестьянамъ; и потому они говорятъ: «надо не уничтожать общину, а развивать ее; надо не обезземеливать крестьянъ, а, наоборотъ,

стараться, чтобы земля теперь же перешла въ руки трудящагося народа на началахъ уравнительнаго пользованія.

Мы видѣли, что соціалъ-демократы, говоря о томъ, что большинство крестьянъ должны обезземелиться, пророчатъ народу большія бѣды: та дорога, которую они указываютъ—какая то кривая, окольная. Въ самомъ дѣлѣ, надо только подумать: по-ихнему выходитъ, что для того, чтобы народъ получилъ землю, надо сперва ее отнять у народа; для того, чтобы народъ объединился, надо, чтобы онъ сначала раздѣлился, перессорился. Поэтому мы считаемъ, что этотъ кривой, окольный путь, на который указываютъ соц.-демократы, поведетъ народъ не къ соціализму, а къ погибели. Народъ на него не сталъ и не станетъ. Да и сами соц.-демократы за послѣднее время почти отказались отъ него.

Гораздо болѣе правильной намъ кажется дорога, на которую показываютъ соціалъ-революціонеры. Посмотримъ же теперь поближе, какова эта дорога; какимъ образомъ по ней можно скорѣе дойти до равенства, до братства всѣхъ людей—до соціализма.

Мы видѣли, что уже при общинныхъ распорядкахъ нѣтъ частной собственности на землю, и каждый членъ общины имѣетъ равное право на полученіе участка земли по числу душъ въ семьѣ. Отъ этого земля не можетъ скопляться при общинѣ въ однѣхъ рукахъ, и, значитъ, богатые мужики, посредствомъ земли, не смогутъ держать народъ въ кабалѣ, какъ держатъ его помѣщики [1]).

Такіе порядки, какъ въ общинѣ, надо распространить на всю Россію; надо добиваться того, чтобы у насъ совсѣмъ не было частной собственности на землю, чтобы земля была общенароднымъ достояніемъ на слѣдующихъ основаніяхъ: «всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократи-

---

[1]) Если теперь въ общинѣ и держитъ кулакъ бѣдняковъ въ кабалѣ, такъ не землей, а тѣмъ, что у кулака денежки водятся.

чески организованныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землей должно быть уравнительно-трудовымъ, т.-е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды. Такой порядокъ называется «соціализаціей земли».

Когда народъ добьется этого — самое главное дѣло будетъ сдѣлано. Россія безъ помѣщиковъ станетъ мужицкимъ царствомъ и вмѣстѣ съ землей къ народу отойдетъ большая власть. Но это еще только начало, только первая станція на дорогѣ къ соціализму. Причины неравенства достатковъ у крестьянъ лежатъ не только въ одной землѣ. Въ общинѣ земля дѣлится поровну по душамъ, а достатки у крестьянъ не равны. Происходитъ это оттого, что въ одной семьѣ работниковъ много, въ другой—мало; въ одной семьѣ лошадей много, въ другой одинъ захудалый меринъ, а въ третьей и совсѣмъ нѣтъ лошади: хоть на себѣ паши. Въ одной семьѣ плугъ желѣзный, а въ другой—деревянная соха. Оттого одна семья хорошо обрабатываетъ землю, другая плохо, одна семья много земли собираетъ, закупаетъ у другихъ, а другая безъ земли остается.

Межъ семьями равенства установить нельзя; нельзя сдѣлать такъ, чтобъ въ каждой семьѣ было одинаково работниковъ, одинаково лошадей и т. д. А между тѣмъ, подумать, чѣмъ же виновата семья, гдѣ одна баба съ ребятишками, что у ней работниковъ нѣтъ... Значитъ, чтобы установить полную справедливость, полное равенство, надо, чтобы и орудія производства—плуги, молотилки, лошади—тоже были общими, какъ и земля. Надо устроить о б щ е с т в е н н у ю обработку земли.

Тутъ, конечно, читатель-крестьянинъ заартачится: «на это, молъ, мы не согласны. Чтобы земля была общая—это такъ, это правильно, а чтобы мою лошадь, мою соху у меня отняли—это не ладно, на это моего согласія нѣтъ». Мы отвѣтимъ та-

кому читателю: «Да, вѣдь, сейчасъ, къ этому никто и не зоветъ, коли не согласны, такъ, вѣдь, насильно такого дѣла не навяжемъ». Вотъ когда будетъ у васъ согласіе,— тогда мы и займемся этимъ дѣломъ.

А покуда мы скажемъ, что это — дѣло не только справедливое, дѣлающее всѣхъ равными по достаткамъ, а прямо-таки выгодное для народа. Выгодное по тремъ причинамъ.

1) Общественная обработка дешевле. Вотъ теперь каждый мужичонка тянется, чтобы лошадь держать, соху, борону наладить и прочій инструментъ. И отъ того въ каждомъ селѣ лошадей и прочаго рабочаго скота, сохъ и другихъ орудій оказывается куда больше, чѣмъ нужно для обработки земли. При посѣвѣ въ 2—3 десятины вспашка и другія работы займутъ недѣлю, либо двѣ, а потомъ лошадь такъ стоитъ, сохи задарма валяются. Одинъ ученый, Вихляевъ, разсчиталъ, что крестьяне скота рабочаго вдвое больше держатъ, чѣмъ надо для обработки земли. А вѣдь скотину содержать стоитъ дорого. Вотъ кабы на землѣ крестьяне артелями работали, рабочей скотины пришлось бы держать вдвое меньше—вдвое меньше расходовъ бы было.

2) Общественная обработка легче. Теперь въ общинѣ черезполосица. Каждому мужику приходится мотаться съ одной полоски на другую — сколько онъ лишняго времени тратитъ, а при общественной обработкѣ поля не пришлось бы на полосы дѣлить: ихъ стали бы всѣмъ міромъ обрабатывать.

3) Общественная обработка выгоднѣе. Теперь каждый мужикъ имѣетъ плохую лошаденку, плохую соху. Артель могла бы завести меньше, да хорошихъ лошадей, хорошіе большіе плуги, которые глубоко пашутъ землю. При глубокой вспашкѣ часто (не всегда) земля лучше родитъ. Вмѣсто того, чтобы жать серпомъ, артель завела бы жнейки, косилки, сноповязалки. Что теперь въ недѣлю убираютъ, жнейки бы въ два дня отмахали. Тоже и молотилки и всякія другія орудія. Было бы зерно лучше, урожай больше и работать пришлось бы меньше, чѣмъ теперь.

Итакъ, артельная обработка всей общиной была бы и спра-

ведливѣе, и дешевле, и легче, и выгоднѣе. Но крестьяне скажутъ: «такъ-то такъ, да вѣдь... темные мы, а главное—согласія межъ нами нѣтъ. Какъ ты народъ заставишь работать по совѣсти для общаго дѣла: народъ вѣдь нынѣ какой; каждый станетъ отъ дѣла отлынивать, и ни въ жизнь толку не будетъ». И правы будутъ крестьяне и насчетъ темноты и насчетъ несогласія народа. Но и съ темнотой и съ несогласіемъ надо бороться. Съ темнотой бороться просто: сдѣлать всеобщее безплатное обученіе, понастроить для простого народа гимназій, да университетовъ, завести читальни и лѣтъ черезъ 20, глядишь—крестьянина и не узнаешь: станетъ онъ, какъ баринъ, мудреныя книжки читать и все понимать: пойметъ тогда и свою пользу. А вотъ насчетъ согласія будетъ куда труднѣе его добиться... А все-таки по нашему можно. Какъ добиться согласія—мы сейчасъ и разскажемъ. Для этого надо посмотрѣть, какъ у нашихъ сосѣдей—у нѣмецкихъ мужиковъ обстоитъ дѣло. Нѣмецкіе мужики были народъ очень несогласный между собой, потому что они—подворники. Но въ 60-хъ годахъ стали они болѣе образованными, стали и они болѣе понимать, что отъ согласія для нихъ же выходитъ большая польза и стали промежъ себя устраивать товарищества да союзы. Первыя товарищества были — кредитныя. Кредитъ — нынче, когда все на деньги въ обмѣнъ идетъ—предметъ очень нужный для всякаго: и для помѣщика, и для купца, и для крестьянина. У насъ помѣщикамъ да купцамъ казна давно уже помогаетъ: для оборота въ кредитъ передавала имъ тысячи милліоновъ рублей. Для крестьянъ казна у насъ кредита не открывала, а у нѣмцевъ—издавна приходитъ къ нимъ на помощь. Безъ кредита наши крестьяне по уши залѣзли въ долги кулакамъ; безъ кредита для уплаты податей и за аренду осенью мужикъ везетъ на базаръ хлѣбъ, продаетъ его дешево, а весной въ хлѣбѣ нехватка—покупаетъ на гривенникъ, другой за пудъ дороже. Пришелъ неурожай—скотину кормить нечѣмъ—кредита нѣтъ: и тащитъ мужикъ лошадь на базаръ, чуть не за 5 рублей, а потомъ за нее 40 отдаетъ. Однимъ словомъ, куда ни плюнь: родишься,

свадьбу играешь, умираешь — вездѣ нужны деньги, нуженъ кредитъ.

Изъ-за нужды въ кредитѣ кулаки, какъ клопы, облѣпили деревню, соки сосутъ изъ мужика; дерутъ отъ 70 коп. до 10 рублей съ рубля процентовъ въ годъ. А у нѣмцевъ кредитъ—за 3 копейки съ рубля, т.-е. въ десятки и сотни разъ дешевле. Посчитать, сколько мужикъ нашъ на этомъ теряетъ—сколько благодѣтель кулакъ наживаетъ—сотни милліоновъ получатся. Поэтому первой заботой народнаго выборнаго правительства должно быть—открыть дешевый кредитъ, устроить общественныя кассы, по крайней мѣрѣ, въ каждой волости. Всякій товарищъ, за порукой членовъ, будетъ брать, сколько нужно денегъ для оборота. Средства у казны на это есть—это наши сберегательныя кассы, посредствомъ которыхъ казна теперь забрала себѣ 900 милліоновъ народныхъ сбереженій.

Кромѣ кредитныхъ товариществъ, у заграничныхъ крестьянъ заведены товарищества на сбытъ и для покупки нужныхъ вещей (потребительныя общества). У насъ дѣло со сбытомъ поставлено такъ: везетъ мужикъ на базаръ хлѣбъ, масло, молоко, шерсть и т. д., везетъ иногда верстъ за 50. Привезъ, а на базарѣ цѣны совсѣмъ плохія. Скупщики (щибаи) облѣпятъ мужика со всѣхъ сторонъ, собьютъ цѣну, да, вдобавокъ, обмѣрятъ и обвѣсятъ. Купитъ у крестьянина мелкій ссыпщикъ, положимъ, рожь по 50 коп., потомъ перепродастъ крупному съ надбавкой копейки 3, тотъ—еще болѣе крупному, а послѣдній—отправитъ за-границу. Такъ хлѣбъ отъ мужика до за-границы катится изъ рукъ въ руки, и къ каждой рукѣ глядишь, прилипнетъ копейка-другая на пудъ. Такихъ копеекъ набирается сотни милліоновъ; ихъ бы долженъ получить мужикъ, а у него ссыпщики изъ рукъ вырываютъ: сами не работаютъ, а мужицкимъ потомъ себѣ брюхо ростятъ. А все оттого, что мужикъ не дружно дѣйствуетъ, а въ одиночку: въ одиночку везетъ на базаръ, въ одиночку продаетъ. Чтобы этого не было, чтобы крестьяне за свои продукты получали полныя цѣны—надо тоже общества и товарищества завести. Какъ снимутъ

крестьяне урожай, пускай излишки для продажи везутъ въ общественный амбаръ. Пусть тамъ полежитъ хлѣбъ до хорошей цѣны. Придетъ хорошая цѣна — довѣренные отъ общества съѣздятъ, запродажу сдѣлаютъ, а потомъ и крестьяне гуртомъ свезутъ хлѣбъ. Какъ съ хлѣбомъ, такъ можно и съ масломъ, и съ яйцами, со всѣми продуктами.

Подобно товариществамъ на сбытъ, надо завести товарищества и для покупки (потребительныя). Такія товарищества открываютъ свои лавочки, гдѣ все можно купить за такую цѣну, какъ себѣ обходится...

Товариществъ и кредитныхъ и на сбытъ и для покупки заграницей заведено очень много и видно, что это—дѣло уже не такое хитрое. За послѣднее время и въ Россіи они начали заводиться. Вотъ при ихъ посредствѣ полегоньку и заведется согласіе въ народѣ и привыкнетъ народъ вести хозяйственныя дѣла сообща.

Когда эти общества и товарищества укрѣпятся хорошо, тогда пойдетъ на ладъ и мірская (общественная) обработка земли. Начинать, мы думаемъ, придется съ конца полевыхъ работъ—съ молотьбы.

И теперь ужъ кое-гдѣ у крестьянъ попадаются товарищескія молотилки. Купитъ товарищество молотилку въ кредитъ, и на ней поочереди будутъ крестьяне-товарищи молотить хлѣбъ. Зерно пойдетъ въ товарищескіе амбары, да и мельницу хорошо завести общественную, а то мельникъ много беретъ за помолъ. Дѣло съ молотьбой кончилось — можно перейти къ уборкѣ. Уборка хлѣба — извѣстно — самая тяжелая работа и въ самое жаркое время года. Товарищескія жнейки-косилки и сноповязалки живо сладятъ съ уборкой хлѣба и сѣна.

Потомъ останется товарищеская пашка на общихъ лошадяхъ, общими плугами. Это дѣло привести въ согласіе труднѣе всего, но послѣ того, какъ остальныя работы будутъ дѣлаться сообща — и эту ужъ легко будетъ наладить на общій манеръ.

Когда вся обработка станетъ общественной, тогда зерно и солома будутъ товариществами дѣлиться поровну, по числу

душъ. Вотъ тогда въ каждой общинѣ уже всѣ будутъ равны, всѣ одинаково сыты, одинаково богаты. Но во всей странѣ еще равенства межъ общинами не будетъ; одна община, одно товарищество будетъ богаче, другое бѣднѣе. Чтобы во всей странѣ было полное равенство — надо, чтобы всѣ продукты, которые народъ вырабатываетъ, поступали въ общій доходъ, и затѣмъ доходъ этотъ распредѣлялся по всей странѣ. Но прежде чѣмъ дойти до этого лучшаго строя, придется еще много и долго бороться съ капиталистами, которые пользуются народной темнотой и несчастіемъ.

Вотъ, значитъ, тотъ путь, которымъ можно дойти отъ общины къ соціализму. Путь не близкій, но прямой и вѣрный. Идти по немъ придется не одинъ десятокъ лѣтъ; но чѣмъ дальше народъ будетъ подвигаться, тѣмъ станетъ онъ умнѣе, богаче, сильнѣе, дружнѣе. Помогать народу стать на этотъ путь, и идти вмѣстѣ съ нимъ—дѣло тѣхъ людей, которые душу кладутъ въ борьбѣ за народъ со старымъ правительствомъ.

Побѣда надъ этимъ ненавистнымъ всему народу правительствомъ, надъ старымъ прогнившимъ порядкомъ уже близка. Но послѣ побѣды друзья народа не должны отдыхать: они должны помнить, что разрушить старые порядки и не создать новыхъ—все равно, что разломать старый негодный домъ и не построить къ зимѣ новый. Чтобы тепло было зимой, новый домъ долженъ быть выстроенъ; чтобы народу хорошо жилось—должны быть заведены новые порядки. И пусть зданіе новыхъ порядковъ будетъ такое, чтобы въ немъ всѣмъ жилось хорошо, тепло и уютно.

И пусть на этомъ зданіи будутъ написаны тѣ слова, которыя оставила намъ въ наслѣдство первая великая революція французскаго народа, которыя не исполнились еще до сихъ поръ. „Свобода, равенство, братство всѣхъ людей!“